

— А когда это я говорил, что верну его после того, как использую?

Услышав эти слова, культиватор с заискивающей улыбкой застыл как вкопанный. Уголки его рта дёрнулись, но, оказавшись лицом к лицу с Фу Линцзюнем, который и так был куда сильнее, да ещё и держал в руках их сердечный огонь, он струсил и не осмелился прямо возразить.

Когда Фу Линцзюнь требовал у них сердечный огонь, как именно он это сказал? Кажется, речь шла о том, что он «одолжит» по нити. А если одолжил, разве не должен вернуть? Это он сам что-то не так понял, или Фу Шэн с самого начала не собирался ничего возвращать, а просто хотел оставить их сердечный огонь у себя и держать всех на коротком поводке?

— Господин Юйань... вы же раньше говорили иначе... — помявшись, культиватор всё-таки не выдержал. Лицо у него посерело. — М-мы ведь одолжили вам сердечный огонь только ради того, чтобы убить Цзян Чаньюаня...

Фу Линцзюнь слегка вскинул подбородок. В золотом солнечном свете его глубокие глаза казались ещё холоднее и надменнее, чем обычно.

— А я разве не убил Цзян Чаньюаня?

Культиватор неловко сглотнул:

— У... убили...

— Раз так, что плохого в том, что я возьму немного процентов?

— ...

Не только тот культиватор, что подошёл требовать назад сердечный огонь, лишился дара речи — у всех собравшихся от этих слов Фу Линцзюня в груди застрял тяжёлый ком. Ну и послушайте только, что он несёт! Проценты? Брать по нити сердечного огня с каждого присутствующего культиватора — да такие «проценты» слишком уж велики!

И дело было не просто в утраченной нити сердечного огня. Хуже всего было то, что этот огонь остался у Фу Шэна! Если кто-то его разозлит и он решит понемногу мучить человека через ту нить, это ведь будет страшнее смерти!

Лица у всех потемнели, но они были уже не в том положении, что раньше. Их слабое место оказалось в чужих руках, так что даже браниться они смели теперь только про себя.

А потом исподтишка все начали поглядывать на Янь Цунси и Хуай Шоусиня, надеясь, что двое святых хотя бы замолвят за них слово. Но оба вели себя так, будто сердечный огонь в руках Фу Шэна их нисколько не беспокоит: спокойно сидели с закрытыми глазами и медитировали, явно не собираясь вмешиваться.

Всем оставалось лишь проглотить обиду и больше не поднимать эту тему.

Но кроме сердечного огня была ещё одна вещь, которая волновала всех не меньше. Из толпы снова вытолкнули одного культиватора — говорить от имени остальных. На этот раз человек оказался ещё трусливее прежнего и очень осторожно спросил:

— Господин Юйань, а... когда вы откроете барьер?

С сердечным огнём ещё ладно. Но быть запертыми в этом жутком месте и не иметь возможности сбежать — вот это ощущалось особенно тяжело.

Однако и это их требование было безжалостно отвергнуто.

Фу Линцзюнь без всякого интереса ответил:

— Через семь дней после активации массива он откроется сам.

То есть не сейчас, а только через семь дней. Половину области Цянькунь уже выжгли громовое и небесное пламя — там всё обратилось в мёртвую чёрную землю. Другая половина ещё более-менее уцелела, но кому захочется оставаться в таком зловещем месте ещё целую неделю? Им хотелось немедленно вырыть подземный ход и сбежать.

Культиватор, задавший вопрос, и так подбирал слова как можно осторожнее, но с таким решением, конечно, мириться не собирался.

— Господин Юйань... раз уж вы создатель массива, разве вы не можете открыть его раньше?

Эти равнодушные глаза лениво скользнули по нему, и у культиватора сразу похолодела спина. Даже невидимое давление святой ступени было таким, что хотелось немедленно рухнуть на колени. Он тут же втянул шею, крепко сжал губы и больше не произнёс ни слова.

Фу Линцзюнь ему не ответил. Лишь обвёл взглядом всех, кто смотрел на него. Стоило кому-то встретиться с ним глазами, как тот поспешно опускал голову и затихал. После этого уже никто не осмелился возразить против семи дней.

На этом Фу Линцзюнь отвёл взгляд, взял Цзян Тана за руку и ушёл. Сян Син тоже быстро двинулся следом, волоча за собой толстую чёрную цепь, которая царапала разбитую каменную

мостовую с резким, неприятным звоном.

Лишь когда все трое ушли далеко и исчезли на этой разрушенной длинной улице, культиваторы осторожно заговорили снова.

— Неужели он и правда собирается держать нас здесь все семь дней?

— А почему обязательно ждать именно семь дней?

— А чего ты сам только что не спросил? Откуда мне знать?

— ...А ты бы осмелился спросить?

Перебросившись ещё несколькими упрёками, все поняли, что такая перебранка ничего не даёт. Раненых среди них тоже было немало, и в конце концов все сошлись на том, что сначала нужно найти место, где можно собраться вместе и как следует подлечиться.

Вся западная половина области Цянькунь превратилась в выжженную пустошь. К счастью, башня Цяньцяо, принадлежавшая Янь Цунси, стояла на другой стороне и совсем не пострадала. К тому же этажей там было целых шесть — если потесниться, всем места хватит.

В такой ситуации никому не хотелось отбиваться от общей группы, и потому все вместе направились в Цяньцяо — лечиться и приводить себя в порядок.

Фу Линцзюнь же привёл Цзян Тана и Сян Сина в первую попавшуюся целую гостиницу. Наложив на неё барьер, он медленно поднялся наверх.

Сян Син, как и прежде, остался сторожить внизу, а Цзян Тан с Фу Линцзюнем, открыв дверь, вошли в одну из комнат.

— Почему... ты не снимаешь... печать? — когда они остались вдвоём, Цзян Тан наконец задал вопрос, который терпел всю дорогу.

Фу Линцзюнь устало опустил на стул:

— Цзян Чаньюань мог и не умереть по-настоящему. Если хоть обрывок его души сумел уйти, то после снятия печати он сможет захватить тело смертного и возродиться. А если держать его здесь взаперти, культиваторы с сильной душой ему не поддадутся, и за семь дней этот остаток души рассеется сам.

— Захватить тело? — Цзян Тан всё-таки прочёл немало сянься-новелл и понимал, о чём речь. —

Но разве... его не... сожгли насмерть?

— В самом конце, когда изначальное пламя уже дожигало его, глаза у него снова стали чёрными.

По сути это был почти смехотворный довод. Цзян Чанъюань изначально был одним телом с двумя душами — если сжечь одну, вторая тоже не должна была уцелеть.

И всё же Фу Линцзюню не давало покоя смутное ощущение, что что-то было не так.

Он давно привык к осторожности и предпочитал лучше перестраховаться, чем что-то упустить.

Если эта остаточная душа и правда сбежала, то куда она могла направиться? Фу Линцзюнь медленно закрыл глаза и погрузился в раздумья. Цзян Тан понимал, о чём тот думает, и послушно сел рядом, протянув к нему руку.

В этой великой битве в области Цянькунь участвовали почти все культиваторы Дао — и почти все лишились по нити сердечного огня. Особенно те, кто приехал на Пир Десяти Сторон: никто из главных фигур мира культивации этого не избежал. Из тех, кто не отдавал сердечный огонь, оставались лишь слабые телом лекари, укrywшиеся внутри, и несколько мастеров рун, всё ещё работавших у главного телепортационного массива области Цянькунь.

Шэн Исюэ, хрупкая лекарка, вместе с госпожой Хэ осталась в гостинице и не выходила наружу. К счастью, гостиница находилась далеко от места великой битвы. Если не считать жутких звуков, доносившихся время от времени, здесь ещё можно было сделать вид, будто вокруг царит покой.

— А-Инь, что там сейчас снаружи? — госпожа Хэ с большим трудом пришла в себя в этой тревожной обстановке.

Рано утром глава семьи Хэ ушёл из-за того, что ей внезапно захотелось паровых булочек с овощной начинкой из одной лавки на западе. Потом, похоже, снаружи что-то случилось, и даже сопровождавшие их слуги разошлись кто куда. Теперь во всей гостинице рядом с ней оставались лишь двое слуг да одна Шэн Исюэ.

Шэн Исюэ распахнула окно и выглянула наружу, но с этой стороны ничего не происходило, и по виду нельзя было понять ровным счётом ничего. Тогда она снова присела рядом с госпожой Хэ и коснулась её руки:

— Подождите меня. Я схожу и посмотрю.

Госпожа Хэ схватила её за руку, и глаза её были полны страха:

— Будь осторожна.

— Хорошо.

Шэн Исюэ поспешно спустилась вниз, велела оставшимся двум слугам стеречь дверь в комнату госпожи Хэ и сама побежала к западу, откуда шум уже понемногу затихал.

Не прошло и времени горения одной палочки благовоний, как у входа в гостиницу мелькнула чья-то фигура. Человек был с головы до ног закутан в чёрный плащ, так что разглядеть его было невозможно. Видно было лишь, что двигался он очень скованно: не как живой человек, а скорее как марионетка.

Шёл он быстро, а когда поднимался по лестнице, шаги его были на удивление тяжёлыми. Казалось, он страшно спешит.

Один из слуг, оставленных стеречь комнату госпожи Хэ, услышал шум и сперва решил, что это вернулась Шэн Исюэ. Но потом сообразил, что у девушки шаги не могут быть такими тяжёлыми, и потому отправил второго вниз взглянуть, кто идёт.

Тот только дошёл до лестничного пролёта — и тут же столкнулся лицом к лицу с этим странным человеком в плаще.

— Кто там?! — слуга мгновенно призвал духовный меч и выставил его перед собой. — Эту гостиницу арендовал дом Хэ из Кунчаня. Если вы ищете ночлег, прошу выбрать другое место.

Культиваторы обычно сначала говорили вежливо и только потом переходили к силе. Следовало назвать себя и объяснить положение дел, чтобы другая сторона сама решила не вмешиваться. В конце концов это была область Цянькунь — железное правило, запрещающее частные стычки, давно врезалось в память каждому, кто сюда приезжал. Обычно никто не бросался в драку бездумно.

Но человек в плаще будто вовсе не слышал предупреждения и по-прежнему, неуклюже переставляя ноги, шёл прямо сюда.

— Ещё шаг — и я не стану церемониться! — даже эта угроза на него не подействовала. Тогда слуга тоже перестал сдерживаться: влил духовную силу в меч и ударил.

Раздался звонкий треск. Духовный меч просто переломился пополам. В следующую секунду из-под плаща высунулась пара мертвенно-бледных рук, схватила слугу за шею и рывком подняла в воздух, а потом с хрустом свернула ему шею и швырнула тело на пол.

Оставшийся слуга похолодел от ужаса и задрожал всем телом, но всё равно призвал меч и наставил его на это чудовище.

Это была односторонняя бойня.

В руках этого странного человека духовный меч казался мягким, как тофу: стоило слегка надавить — и он ломался. А затем мертвенно-белая рука сжала обломок клинка и без колебаний вогнала его слуге прямо в сердце. Горячая кровь хлынула наружу, и тот, дёрнувшись, рухнул на пол.

Госпожа Хэ, прятаясь в комнате, конечно, слышала весь этот шум снаружи. Но она была на сносях, да и талант к культивации у неё был слабый, так что ей оставалось только забиться в шкаф и молчать: сделать больше она ничего не могла.

Шаг. Ещё шаг.

Перепаханный кровью человек с трудом, точно деревянный, вошёл внутрь. На пороге он на мгновение замер, будто кого-то вынюхивая. Комната была пуста, но в воздухе ещё держался свежий человеческий запах.

Он медленно повернулся и направился к шкафу, в котором пряталась госпожа Хэ.

Глаза её были широко раскрыты, ладонь зажимала рот, а слёзы всё равно лились сами. Шаги приближались. Каждый будто наступал ей прямо на сердце. Холодный пот мгновенно покрыл всё тело, ребёнок в животе вдруг задвигался особенно сильно, и боль внизу живота стала почти нестерпимой.

Окровавленная ладонь оставила на дверце шкафа влажный отпечаток, а затем медленно потянула её на себя, открывая взгляду почти сломленную женщину внутри.

— Я нашёл тебя.

Голос у него был ужасно хриплый, словно он слишком давно ни с кем не говорил и связки у него совсем высохли. Когда он заговорил, вместе со словами изо рта вырвался странный тяжёлый запах — затхлый, с явной примесью гнили.

Медленно, скованными движениями он снял капюшон, открывая лицо, при виде которого госпожа Хэ едва не лишилась чувств.

— Нань-... Наньэр?!

За дверцей шкафа стояло мертвенно-бледное чудовище в плаще. Это был не кто иной, как Хэ Сюаньцин, умерший несколько месяцев назад, а потом украденный из могилы.

<http://bllate.org/book/17032/1721945>